

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Ван Шоин

**СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ ‘ВОЗРАСТ ЧЕЛОВЕКА’ В СОВРЕМЕННОМ
РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ДИНАМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА)**

Специальность 5.9.5 – Русский язык. Языки народов России

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва – 2024

Диссертация подготовлена на кафедре русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Научный руководитель: Жданова Лариса Александровна
кандидат филологических наук, доцент

Официальные оппоненты: Левицкий Андрей Эдуардович
доктор филологических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», факультет иностранных языков и регионоведения, профессор кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации

Халикова Наталья Владимировна
доктор филологических наук, профессор, ФГАОУ ВО «Государственный университет просвещения», факультет русской филологии, профессор кафедры современного русского языка имени профессора П.А. Леканта

Евтушенко Ольга Валерьевна
доктор филологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Московский государственный лингвистический университет», переводческий факультет, профессор кафедры русского языка и теории словесности

Защита диссертации состоится «18» декабря 2024 г. в 15 часов на заседании диссертационного совета МГУ.059.1 Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова по адресу: 119991 ГСП-1, Москва, Ленинские горы, МГУ имени М.В. Ломоносова, 1 корпус гуманитарных факультетов, филологический факультет.

E-mail: russlang@philol.msu.ru.

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова (Ломоносовский просп., д. 27) и на портале: <https://dissovet.msu.ru/dissertation/3242>.

Автореферат разослан «____» _____ 2024 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор филологических наук, доцент

О.В. Дедова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Возраст является неотъемлемой характеристикой человека, связанной с естественным ходом времени, однако периодизацию возраста нельзя назвать в полной мере естественной, она социально и культурно обусловлена. Социально обусловленные представления о возрасте человека отражаются в семантике и прагматике языковых единиц семантического поля (далее – СП) ‘возраст человека’. Отдельные этапы возраста – детство, юность, молодость, зрелость, старость – воспринимаются в общественном сознании как значимые характеристики человека, влияют на его восприятие как члена общества, на осознание им собственного места в социуме, отношение к нему других членов коллектива, что находит свою фиксацию в языке.

Поскольку представления о возрасте социально обусловлены, они меняются вместе с изменениями в окружающем мире. Технический прогресс, достижения медицины и т. п. приводят к постепенному увеличению продолжительности человеческой жизни, что приводит к смещению границ возрастных периодов и трансформации возрастных стереотипов.

Лексика, обозначающая возраст, давно привлекает внимание лингвистов, работающих в русле антропоцентрической научной парадигмы. Русской лексике со значением ‘возраст человека’ посвящено большое количество лингвистических исследований, в том числе диссертационных, однако динамическому аспекту в этих работах уделено недостаточно внимания.

Актуальность работы связана, во-первых, с динамическим аспектом (исследуются актуальные процессы в русской речи, фиксируются новые явления в языке и речи, выявляется динамика «наивно-языковых» представлений о возрасте), во-вторых, с тем, что лексика, обозначающая возраст, рассматривается как средство категоризации социального мира, выявляются и анализируются (в том числе с помощью лингвистического эксперимента) номинации, которые говорящие используют для социальной самоидентификации.

Объектом исследования являются лексика и фразеология со значением

‘возраст человека’ в современном русском литературном языке и в современной речи.

Предмет исследования – структура семантического поля (далее – СП) ‘возраст человека’ в современном русском литературном языке, изменения в составе СП в первой четверти XXI века, современные употребления единиц СП, подвергшихся изменениям.

Цель работы заключается в описании структуры СП ‘возраст человека’, в выявлении изменений в составе СП, в семантике, прагматике, функционировании единиц СП на современном этапе развития русского языка, в выявлении средств, при помощи которых носители русского языка осуществляют категоризацию социального мира по признаку ‘возраст’, в описании соответствующего фрагмента русской языковой картины мира.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**.

1. Изучить и проанализировать основные лингвистические исследования, посвященные лексике и фразеологии со значением ‘возраст человека’, выявив базовые характеристики, уже отмеченные лингвистами.
2. Установить объем и структуру семантического поля ‘возраст человека’ в современном русском литературном языке, проанализировать семантику и прагматику ядерной единицы *возраст*, а также фразеологизмов, в состав которых она входит.
3. Рассмотреть лексикографическую фиксацию ряда единиц СП ‘возраст человека’ в основных толковых словарях русского языка конца XX века и начала XXI века.
4. Выявить основные способы номинации совокупностей людей по признаку ‘возраст’, проанализировать семантику и прагматику таких номинаций на материале современных словоупотреблений.
5. Выявить новые явления в составе СП и семантике его единиц, собрав и проанализировав контексты с современными словоупотреблениями, не отраженными в толковых словарях.
6. Провести лингвистический эксперимент для верификации

наблюдений, полученных в результате анализа собранного корпуса контекстов.

На защиту выносятся следующие положения.

1. СП 'возраст человека' включает слова и фразеологизмы, имеющие в значениях сему 'возраст человека' и / или употребляющиеся в речи для указания на возраст человека. Слово *возраст* в основном значении (*возраст1*) является ядерной единицей поля – вербализацией категоризирующего признака. Вместе со словом *возраст* в основном значении (*возраст1*) ядерную зону поля составляют дериват *возрастной* в основном значении (*возрастная психология*), существительные, называющие возрастные периоды (*детство, отрочество, юность* и др.), прилагательные, определяющие возрастные периоды (в основных значениях: *молодой, пожилой, старый* и др.), числительные, фиксирующие календарный возраст человека (*двадцатилетний, восьмидесятилетний* и др.). Остальные единицы в составе СП 'возраст человека' относятся к приядерной зоне и к зонам ближней, дальней и крайней периферии.

2. Актуальные изменения в СП 'возраст человека' затрагивают все зоны поля и касаются состава единиц, их семантики и прагматики. Состав СП пополняется активнее всего в зонах периферии за счет словообразовательных и заимствованных неологизмов (*предпенсионеры, миллениалы, антивозрастной, антиэйдж-терапия* и др.), семантических дериватов (*пенсионер* 'человек старшего возраста'), новых фразеологизмов (*возраст дожития, третий возраст, серебряный возраст, возраст элегантности*), фразеологизированных синтаксических конструкций с числительным (*шестьдесят плюс*). Ядерные единицы *возраст* и *возрастной* также подвергаются семантическим изменениям, связанным с эвфемизацией старшего возрастного периода (*возраст* в значении 'старость', *возрастной* в значении 'пожилой, старый').

3. Для русской языковой культуры значимо понятие возрастной нормы, несоблюдение которой оценивается отрицательно (*не по годам / не по летам, старая дева, великовозрастный*). Возрастная шкала в «наивно-языковой» картине мира коррелирует с оценочной шкалой: в зоне положительной оценки находится

молодость, в противоположной зоне – старость, с молодостью как *лучшей порой жизни*, которая *еще впереди* или *уже позади*, соотносятся все остальные возрастные периоды (в том числе *детство* и *подростковый возраст*). Слова *молодой*, *молодость* в современных употреблениях могут использоваться для выражения положительной оценки ('бодрый, активный': *продли свою молодость*), слова *старый*, *старость* воспринимаются как отрицательно оценочные и эвфемизируются, заменяются на нейтральные (*возрастной пациент*) или положительно коннотированные (*почтенный возраст*, *серебряная экономика* и др.).

4. В русской традиционной языковой культуре представлено различие календарного и психологического возрастов (*молод душой, сердцем не стареть*), возраст представлен как в линейной, так и в циклической модели времени (метафоры времен года: *осень жизни*, сопоставление старости и детства, младенчества: *впадать в детство, старый что малый*). В современных контекстах выделяются и другие виды возраста, признается возможность их несовпадения (ср.: *как питаться, чтобы оставаться молодым*), признается значимость внешнего восприятия (*выглядеть моложе, одежда молодит*). Ряд слов и фразеологизмов рассматриваемого семантического поля базируется на метафоре 'борьба, война' (*антивозрастной, победить / проиграть в борьбе с возрастом* и др.) и представляет ход линейного времени как обратимый (*омоложение организма, скинуть десять лет*).

5. Единицы СП 'возраст человека' социально обусловлены и отражают изменения в обществе, динамику представлений о членении возрастной шкалы, о возрастных нормах и возрастных стереотипах, закреплённых в «наивно-языковой» картине мира. Новые явления в СП 'возраст человека' демонстрируют изменение (в сторону увеличения) абсолютных границ возрастных периодов, изменение возрастных поведенческих норм и стереотипов, что вызывает речевую рефлексию носителей языка.

6. В большинстве случаев фразеологизмы, характеризующие возраст и людей по возрасту, по их возрастному поведению, имеют сниженную стилистическую окраску. Лексические и фразеологические единицы с высокой, книжной стилистической окраской представлены реже и связаны с наименованием пожилого

возраста. Современные словоупотребления номинаций представителей молодого поколения, напротив, часто демонстрируют отрицательную оценку (и самооценку): так, в современном детерминологизированном употреблении фразеологизм *потерянное поколение* в подавляющем большинстве случаев относится к молодому поколению, актуализирует оппозицию «отцы - дети», а атрибут *потерянное* становится отрицательно оценочным.

Научная новизна исследования состоит в том, что в нём:

- фиксируются актуальные изменения в составе СП ‘возраст человека’ и изменения «наивно-языковых» представлений о возрасте;
- производится комплексный анализ слов и фразеологизмов русского языка, обозначающих людей и совокупности людей по возрасту;
- лексика, обозначающая возраст, рассматривается с учетом социального, психологического и культурологического факторов – в аспекте возрастной (социальной) стратификации.

Теоретическая значимость диссертации состоит в том, что она:

- дополняет теорию поля разработкой структуры СП ‘возраст человека’;
- дополняет исследования СП ‘возраст человека’ в русском языке;
- расширяет научное представление о способах языкового выражения семантики возраста;
- доказывает социокультурную обусловленность параметра ‘возраст человека’ на современном языковом материале;
- выявляет динамику представлений о возрасте, закреплённую в единицах СП ‘возраст человека’ современного русского языка.
- вносит вклад в неологию, выявляет разные виды неологизмов (заимствования, словообразовательные и семантические дериваты), входящие в СП ‘возраст человека’, в том числе отсутствующие в словарях новых слов.

Практическая ценность диссертации связана с возможностью использования её материалов в дальнейшем исследовании неологии и семантических полей русского языка, в первую очередь связанном с номинациями человека по разным основаниям. Результаты осуществленного исследования могут найти

лингводидактическое применение в вузовских курсах русской лексикологии, фразеологии, стилистики текста, курсах и спецкурсах по социальной лингвистике, лингвопрагматике, лингвокультурологии и языковой динамике, в организации научно-исследовательской работы студентов по анализу языка и текста.

Исследование выполнено **на материале** Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ), публикаций на медиаресурсах и словарей русского языка («Русский семантический словарь»¹, «Фразеологический словарь русского литературного языка»², «Новое в русской лексике»³, «Словарь русского языка» в 4-х томах⁴, «Толковый словарь русского языка»⁵, «Толковый словарь современного русского языка конца XX века»⁶, «БАС»⁷, «Активный словарь»⁸, «Новый словарь русского языка»⁹. Новые явления в составе СП определяются относительно рубежа XX–XXI веков для русского литературного языка (без учета диалектной, жаргонной, просторечной лексики и фразеологии) с опорой на основные толковые словари, изданные в конце XX – начале XXI века. Для определения «исходного» лексического состава СП взяты данные «Русского семантического словаря» под ред. Н.Ю. Шведовой, фразеологического состава – данные «Фразеологического словаря русского языка» А.И. Фёдорова (список лексических и фразеологических единиц, выбранных по этим словарям, дан в Приложении). При выявлении изменений в составе поля фокус исследовательского внимания направлен на новые единицы, так как устаревание лексики на выбранном

¹ Русский семантический словарь: Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений: в 6 т., 4 тома / РАН. Ин-т рус. яз.; Под общ. ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Азбуковник, 2002–2007 (в тексте – с указанием номера тома).

² Фёдоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка. – М.: Астрель: АСТ, 2008. – 878 с.

³ НРЛ – Новое в русской лексике. Словарные материалы (1977–2021): 24 выпуска. – М.: Русский язык; СПб.: Дмитрий Буланин; ИЛИ РАН, 1980–2021 (в тексте – с указанием года).

⁴ Словарь русского языка: в 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой. – 4-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 1999.

⁵ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.

⁶ Толковый словарь современного русского языка конца XX века. Языковые изменения. Под ред. Г. Н. Складчиковой. Российская академия наук, Институт лингвистических исследований. Изд-во «Фолио-Пресс». СПб., 1998. – 700 с.

⁷ БАС – Большой академический словарь русского языка: 27 томов / ИЛИ РАН; Гл. ред. К.С. Горбачевич. – СПб, «Наука». 2004–2021 (в тексте – БАС с указанием номера тома).

⁸ В. Ю. Апресян, Ю. Ю. Д. Апресян, Е. Э. Бабаева. Активный словарь русского языка: том 1 / под редакцией Ю. Д. Апресяна. – М.: Языки славянской культуры, 2014. — 404 с.

⁹ Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М.: Рус. яз., 2000.

небольшом временном отрезке (начало XXI века) вряд ли может быть достоверно установлено.

Научно значимыми для данного исследования явились работы таких российских и зарубежных ученых XX – начала XXI века, как Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, А.Т. Ашхарава, А. Вежбицкая, О.Б. Волкоморова, Г.В. Гафарова, Е.В. Генералова, Л.И. Джамирова, Доу Чжаньяо, Л.А. Жданова, Д.Г. Ищук, Д. Кацкова, Ю.Н. Караулов, Т.А. Кильдибекова, И.С. Кон, Л.Т. Костина, В.В. Красных, М.Н. Крылова, Н.В. Крючкова, Л.В. Лаврова, М.Г. Лебедько, А.Э. Левицкий, Ю.Ю. Литвиненко, А.С. Лишаева, В.И. Матвеев, А.А. Охалина, Н.А. Потаенко, Г.А. Путягин, Е.В. Рахилина, Н.В. Сороколетова, Е.А. Стальмахова, Р.И. Хашимов, П.А. Щербо, К.Н. Эркинбек, Ю.В. Яковлева, Е.С. Яковлева и других.

Диссертация выполнена в русле ономаσιологического подхода, для решения поставленных задач в ней применяются различные **методы**: описательный метод, компонентный, структурно-семантический, контекстный виды анализа, функционально-семантический метод, метод корпусного исследования, метод анкетирования, метод классификации языкового материала по заданным критериям, анализа и синтеза, элементы количественного и концептуального анализа.

Достоверность результатов настоящей работы определяется использованием современных методов исследования, в том числе применением количественного анализа с верификацией результатов при помощи лингвистического эксперимента, большим объемом проанализированного материала, использованием авторитетной научной базы, привлечением современной научной литературы по теме диссертации.

Апробация работы. Положения и выводы исследования были апробированы в научных докладах на следующих конференциях: Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов-2021» (г. Москва, МГУ, 12–23 апреля 2021 г.) и Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых учёных (г. Москва, МГУ, 11–22 апреля 2022 г.).

По теме диссертации опубликовано пять статей в рецензируемых изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ 059.1 по специальности 5.9.5 – Русский язык. Языки народов России.

Структура диссертации

Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы (222 позиций), словарей и источников (35 позиций), приложения. Работа содержит 4 таблицы, представляющих количественные данные (при необходимости выборка подвергалась ручной очистке от нерелевантных контекстов), и 3 рисунка, представляющих значимые диаграммы по данным НКРЯ. Общий объем диссертации – 213 страниц без приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы исследования, представлены научная новизна, теоретическая и практическая значимость, определяются объект и предмет исследования, формулируются цель и задачи работы, перечисляются авторитетные авторы в данной области лингвистической науки, указываются источники материала и методы исследования, характеризуется структура диссертации.

Первая глава включает шесть параграфов, посвящена изложению истории вопроса и объяснению основных терминов и понятий, используемых в работе. В первом параграфе дается общая характеристика лингвистических исследований лексики с семантикой возраста. При разнообразии лингвистических методов и материала многие исследователи согласованно отмечают ряд базовых особенностей этой лексики, а именно: обязательность (возраст – неотъемлемое важнейшее качество человека); стадиальность (наличие возрастных этапов); градуальность (понимание возрастных характеристик и качеств как постепенно нарастающих); оппозитивность (представление о том, что жизнь идет «по возрастающей» и «по убывающей»; противопоставление молодости и старости); нормативность (представление о правилах поведения и характерных внешних и внутренних чертах человека определенного возраста); стереотипичность (устойчивые ассоциации, связанные с возрастом); оценочность (представление о «хорошем» и «плохом» возрасте); образность (в связи с мифологией, архетипическими представлениями о

том или ином возрасте, с концептуальными метафорами). Ряд исследований имеет сопоставительный характер: исследуется вербализация семантического компонента 'возраст' в лексике разных языков. Так, Д. Кацкова сопоставляет существительные, в толковании которых содержится характеристика лица по возрастному признаку, в русском и словацком языках, Доу Чжаньяо – в русском и китайском языках. Во втором параграфе обсуждается социокультурная обусловленность параметра 'возраст человека', значимые для описания языковой концептуализации возраста научные понятия «возрастные роли», «возрастные нормы», «возрастной статус», «биологический возраст», «психологический возраст» и др. В третьем параграфе объясняются основные лингвистические термины, используемые в работе. Четвертый параграф посвящен истории изучения новых явлений в лексике. В пятом параграфе дается краткая характеристика словарей, использованных в работе. В выводах перечислены основные аспекты лингвистического изучения рассматриваемого СП, представленные в научной литературе, выделена значимость социального и динамического аспектов.

Вторая глава посвящена структуре СП 'возраст человека', фиксации его единиц в словарях, в ней также проводится комплексный анализ слова *возраст*. СП 'возраст человека' включает ядро, приядерную зону и несколько зон периферии (ближнюю, дальнюю и крайнюю). Ядерной единицей поля является слово *возраст* в основном значении, соответствующем семе 'возраст человека', представленной в семантике всех единиц поля. Определяющим для отнесения единицы к той или иной зоне СП является место компонента 'возраст человека' в её значении и стилистическая характеристика. Все единицы, для которых семантический компонент 'возраст' не является центральным, а также все стилистически маркированные единицы, отнесены к периферии СП. Вторая глава включает пять параграфов. Первый параграф состоит из трех разделов. В разделе 2.1.1. рассматриваются семантика, сочетаемость, деривационные связи слова *возраст* как основной лексической репрезентации признака, категоризирующего поле. *Возраст* – ядерная единица для СП 'возраст человека', она обладает наиболее общим по сравнению с другими единицами поля значением и соответствует семе 'возраст',

присутствующей в значениях всех единиц поля. Основное значение слова *возраст* определяется как «количество времени, лет от рождения, с момента появления на свет; период, ступень в росте, развитии человека, животного, растения» [МАС 1: 201]. Таким образом, значение соотносится не только с человеком, однако прежде всего с ним, поэтому может являться ядерной единицей СП ‘возраст человека’. На наш взгляд, более широкое значение (по сравнению с заданным в названии рассматриваемого СП) не мешает слову *возраст* быть ядерной единицей для данного поля в силу антропоцентричности языка: именно сема ‘возраст человека’ представлена в наибольшем количестве единиц языка (по сравнению с животными, растениями и др.). Заметим, что обозначения возрастных этапов животных, растений и других сущностей могут входить в крайнюю периферию СП ‘возраст человека’ в переносных значениях (*щенок, жеребенок, котенок, поросенок, бутон* и пр. о человеке).

Семантика слова *возраст* предполагает в качестве обязательной точку отсчета («рождение, появление на свет»), от которой исчисляется возраст, и количественный параметр, поэтому возраст может быть оценен как *большой / маленький, больший / меньший*, а количество лет – как *много / мало*. Этот начальный этап (рождения) определяется как неизменный, в то время как сам возраст – это динамический показатель, предполагающий периодичность, наличие ступеней, изменяемость, рост.

Внутренняя форма слова *возраст* отражает его связь с глаголами *возрастать* и *расти*, представление об увеличении количества прожитых человеком лет и об изменении физического роста в течение жизни человека. Хотя не в каждый возрастной период человек изменяется по высоте тела, но в первые годы жизни эти изменения наиболее явны, являются ростом как процессом и изменением роста как параметра. В данном разделе рассматривается стандартная сочетаемость слова *возраст*, отмечается, что часто *возраст* без распространителя обозначает конкретный возрастной период, для определения которого важен прагматический фактор (знание контекста и ситуации): *Возраст такой – тяжелый*. Слово *возраст* входит в большое количество фразеологических единиц (*в возрасте, войти в возраст, выйти из возраста* и др.).

В разделе 2.1.2. в составе СП выделены ядро, приядерная зона и периферия. Вместе с *возраст* ядерную зону поля составляют слова, в значениях которых сема ‘возраст’ является центральной: относительное прилагательное *возрастной* в основном значении (*возрастная психология*), существительные, называющие возрастные периоды: (*детство, отрочество, юность* и др.), прилагательные, определяющие возрастные периоды (в основных значениях: *молодой, пожилой, старый* и др.), числительные, фиксирующие календарный возраст (*двадцатилетний, восьмидесятилетний* и др.). Приядерную зону составляют наименования людей через прямое указание на возрастной период (*ребенок, старик* и др.), совмещающие сему ‘возраст’ с другими семами; глаголы, обозначающие изменение возраста и сопутствующие изменения в человеке (*взрослеть, стареть* и др.). Остальные единицы отнесены к разным зонам периферии СП ‘возраст человека’. К ближней периферии относятся собирательные существительные и их дериваты (*детвора, молодежь, молодежный* и др.), прилагательные в производных значениях ‘свойственный возрастному периоду’, производные от них существительные (*детский* ‘свойственный детям’, *детскость* и др.). К дальней периферии относятся слово *поколение* и названия поколений (*миллениалы* и др.), указания на социальные статусы, соотносимые с возрастом (*дошкольник, призывник* и др.), прилагательные и наречия, обозначающие (не)соответствие возрастным нормам (*по-взрослому, по-детски, великовозрастный*) и др. К крайней периферии относятся «термины родства» в переносном значении ‘возраст’ (*дядя, бабушка* и др.), метафорические и оценочные наименования (*осень жизни, малявка*), специальные наименования (*геронтология, эйджизм* и др.) и другие.

Возраст является не только неотъемлемой индивидуальной характеристикой отдельного человека, но и признаком, на основании которого выделяются социальные группы, то есть совокупности людей, имеющие и другие общие характеристики (особенности здоровья, поведения, отношения к миру и прочее). Разные способы номинации человека по возрасту и совокупностей лиц, объединенных по признаку ‘возраст’ в социальные группы, перечисляются в разделе 2.1.3.

Во втором параграфе обсуждается отражение лексики рассматриваемого СП в «Русском семантическом словаре» под редакцией Н.Ю. Шведовой. В третьем параграфе рассмотрена фиксация значений и стилистической характеристики единиц, отнесенных к разным зонам СП, в толковых словарях русского языка.

В четвертом параграфе, включающем три раздела, рассмотрены фразеологизмы в составе СП 'возраст человека'. В разделе 2.4.1. выявляются и анализируются (по данным словарей и НКРЯ) устойчивые сочетания, включающие слово *возраст* (*человек старшего возраста, дети дошкольного возраста, бальзаковский возраст* и др.). В разделе 2.4.2. рассматриваются неоднословные устойчивые номинации со значением 'возраст человека', не включающие слово *возраст* (*золотая молодежь, из молодых да ранний, года вышли, не по годам, не первой молодости* и др.). Состав обеих групп в современном русском языке пополняется (*возраст дожития, не по-детски, детский сад – штаны на лямках*).

Анализ фразеологизмов СП 'возраст человека' показывает, что для русской языковой культуры очень важно понятие возрастной нормы, несоблюдение которой оценивается отрицательно: *не по годам / не по летам* и др. В большом количестве фразеологизмов порицается неумение человека соотносить своё поведение с календарным возрастом (то есть возрастным статусом) и вести себя соответственно традиционным возрастным нормам (для детей – слушаться старших, для молодых людей – стать самостоятельными, для женщин – вовремя выйти замуж и родить детей и т. д.): *носом не дорос, поперек батьки, держаться за мамкину юбку, старая дева* и др. Возрастная шкала в наивно-языковой картине мира коррелирует с оценочной шкалой: в зоне положительной оценки находится молодость, в противоположной зоне – старость, с молодостью как *лучшей порой жизни*, которая *еще впереди* или *уже позади*, соотносятся все остальные возрастные периоды (в том числе детство и подростковый возраст). Ряд фразеологизмов указывает на отличие календарного и психологического возраста: психологический возраст может быть меньше календарного (*молод душой*) и наоборот (*что-то делать как старичок / как старушка, молодой старик, феномен молодых пенсионеров*). Значительное количество фразеологизмов связано с указанием на старость и такие ее признаки,

как ослабление здоровья и интеллектуальных способностей. В русских фразеологизмах можно увидеть представления о возрасте не в линейной, а в «циклической» модели времени (метафоры времен года, суточного цикла: *осень жизни, вечер жизни*), сопоставление старости и детства, младенчества: *впадать в детство, старый что малый*. В большинстве случаев для характеристики людей по возрасту и возрастному поведению используются фразеологизмы со сниженной стилистической окраской. Высокая, книжная стилистическая окраска встречается реже и обычно связана с указанием на пожилой возраст (*мафусаилов век, до седин, на закате дней*).

В разделе 2.4.3 сопоставляются представления о возрасте человека в русской и китайской языковых картинах мира. Пример различия: осень в русской языковой культуре ассоциируется со второй половиной жизни, старостью, а в китайской языковой культуре, как и весна, соотносится с подростковым возрастом, юностью. Пример сходства: русскому наименованию *зрелость* в китайском языке соответствует такая же метафора.

В конце главы сделаны выводы, в которых кратко охарактеризованы состав СП и его структура, отмечено, что наиболее активно пополняется периферия СП, однако изменениям подвергаются и единицы ядерной зоны. Здесь также указываются особенности концептуализации возраста человека в традиционной языковой культуре (корреляции между «возрастной шкалой» и оценочной шкалой, значимость возрастной нормы, наличие элементов «циклической» модели времени и некоторые другие).

Третья глава посвящена описанию новых явлений в составе, семантике и прагматике единиц рассматриваемого СП. Здесь на основе функционирования единиц СП в современном русскоязычном публицистическом дискурсе (в основном на материале газетного корпуса НКРЯ) выявляются актуальные изменения в составе поля. Эта глава включает четыре параграфа. Первый параграф состоит из пяти разделов и посвящен изменениям в семантике и прагматике единиц СП, направленным на эвфемизацию старшего возрастного периода. В разделе 3.1.1. рассматриваются атрибутивные словосочетания и фразеологизмы со словом

возраст (человек старшего / пожилого возраста, солидный возраст, почтенный возраст). Отмечается появление новых устойчивых эвфемистических сочетаний *серебряный возраст, третий возраст, возраст элегантности*. В разделе 3.1.2. рассматривается образование производных значений у ядерных единиц *возраст* и *возрастной*: *возраст* ('пожилой возраст'), *возрастной* ('пожилой'), которые в настоящее время активно используются в качестве эвфемизмов (*возраст не позволяет, возрастной пациент*). Примечательно, что прилагательное *возрастной* употреблялось в XIX веке в значении 'взрослый' (*возрастные парни*), зафиксированном в некоторых толковых словарях конца XX – начала XXI века с пометой «просторечное, устаревшее».

В разделе 3.1.3. рассматриваются современные словоупотребления слова *ветеран*, которое в прямом значении не входит в состав СП: «Опытный, бывалый, испытанный в боях воин» [БАС 2: 247]. Сема 'опытный' является положительно оценочной и представлена в производном значении, зафиксированном в современных толковых словарях и входящем в состав рассматриваемого СП: «Старый, заслуженный работник (деятель) в какой-либо области. *Ветеран труда*» [БАС 2: 247]. В большом количестве современных употреблений *ветеран* без распространителей *войны / труда* используется как эвфемизм для обозначения людей старшего поколения, не обязательно участвовавших в боевых действиях или имеющих звание «Ветеран труда»: *хор ветеранов, помощь ветеранам предприятия, встреча с ветеранами*.

В разделе 3.1.4. рассматриваются современные словоупотребления слова *пенсия* и дериватов (*пенсионный, пенсионер, пенсионерка* и др.). В прямых значениях этих слов (по данным толковых словарей) нет семы 'возраст': *пенсия* «периодическая (обычно ежемесячная) денежная выплата, имеющая целью материальное обеспечение граждан при утрате ими работоспособности, при потере кормильца и пр.» [БАС 9: 380], *пенсионер* «человек, получающий пенсию» [БАС 9: 379], *пенсионерка* – 'женский к *пенсионер*' [там же], *пенсионерский* – 'относящийся к пенсионеру, пенсионерам' [там же], *пенсионный* – 'относящийся к пенсии' [там же]. Однако в настоящее время слово *пенсия* обозначает *пенсию по возрасту* во всех

случаях употребления без распространителя, и только в 6 % контекстов НКРЯ имеется в виду другой вид пенсии, который обозначен с помощью соответствующего распространителя: *Оказалось, что после смерти отца дочке назначили пенсию по потере кормильца*» [НКРЯ, 2018]. Функционирование слова *пенсия* в современной русской речи дает основания говорить о сужении значения, то есть о появлении лексико-семантического варианта ‘социальная выплата по достижении определенного возраста’. Слова *пенсионер* и *пенсионерка* используются для обозначения людей, получающих *пенсию по старости*, ещё чаще: практически в 100 % контекстов НКРЯ. Эти слова практически не используются по отношению к получателям иных видов пенсий (по потере кормильца, по инвалидности и др.). Таким образом, *пенсионер*, *пенсионерка*, *пенсионный*, а также словообразовательные неологизмы *предпенсионер*, *предпенсионерка*, *предпенсионный*, стилистически маркированное *пенс* входят в СП ‘возраст человека’. Слова *пенсия*, *пенсионный*, *пенсионер* входят в состав коллокаций разной степени устойчивости (*пенсионный возраст*, *будущий пенсионер* и др.), соотносясь с пенсией по старости. В разделе также рассматриваются функционально-стилистические характеристики данных слов и коннотации слова *пенсионер*.

Раздел 3.1.5. посвящен другим эвфемистическим обозначениям старшего возраста, обнаруженным в современном публицистическом дискурсе: это прилагательные *немолодой*, *(не) молод*, передающие семантику старости через отрицание молодости, прилагательное *зрелый* (*зрелый возраст*, *крем для зрелой кожи*), демонстрирующее смещение возрастных границ по отношению к периоду, обозначаемому существительным *зрелость*, положительно оценочное прилагательное *опытный*, новые положительно коннотированные фразеологизмы *возраст элегантности*, *золотой возраст*, *третий возраст*, *возраст осени*. В этом же параграфе рассматривается широкое использование номинаций *девушка* и *молодой человек* в качестве нейтральных обращений к людям разного возраста, а также общественная рефлексия по этому поводу.

Расширение средств эвфемизации старшего возрастного периода указывает на признание обществом уязвимости его представителей, потребности в их защите, по

крайней мере, в речевом поведении. Кроме того, в современной картине мира высокой оказывается значимость отличий между календарным, биологическим и психологическим возрастом человека. Положительно оценивается стремление и способность выглядеть и чувствовать себя моложе, чем установлено традиционными возрастными календарными нормами (*душой / сердцем не стареть*).

Во втором параграфе, состоящем из 5 разделов, рассматриваются номинации совокупностей людей по признаку ‘возраст’. Основной лексической единицей для обозначения совокупностей людей, объединенных по признаку ‘возраст’, является слово *поколение*, конструкции с его участием и слова с компонентом значения ‘поколение’. Поколение людей, то есть «совокупность людей близкого возраста, живущих в одно время» [МАС 3: 248], может быть осмыслено как социальная группа и в таком качестве получать в речи и в языке отдельные наименования. Иногда таким наименованием оказывается однословная субстантивная номинация (*шестидесятники*), однако обычно в русском языке используется атрибутивное словосочетание, включающее слово *поколение* с зависимым прилагательным или существительным, указывающим на период или событие (*поколение перестройки*, *военное поколение*) или субстантивное словосочетание со словом *дети* (*дети войны*, *дети перестройки*).

Для объединения в поколение (то есть в большую социальную группу) людей, рожденных примерно в одно время, важны не только и не столько хронологические рамки, сколько общественно-политическая и культурная общность, совместное переживание людьми одних и тех же событий, которые часто используются для указания на объединяющий признак (*военное поколение*, *дети перестройки*). Именно поэтому до начала XXI в. – эпохи глобальной цифровой революции – достаточно редки контексты, в которых к одному поколению относят людей разных стран. Если же в разных языках названия совпадают, то за ними может скрываться разное содержание, связанное с особенностями национальной истории и культуры. Сравним слово *восемьдесятники*, которое относится к людям, сформировавшиеся в период перестройки в России, и его китайский аналог (буквально – ‘поствосемьдесятники’), которым обозначают людей – в основном единственных

детей в семье, родившихся после 1980 г., то есть в период ограничения рождаемости в Китае. Такая насыщенность рассматриваемых номинаций культурно-исторической (энциклопедической) информацией делает актуальным их описание в лингвострановедческом и лингводидактическом аспектах.

Раздел 3.2.1. посвящен атрибутивным синтагмам со словом *поколение*. В семантике этого слова нет прямого указания на конкретный возраст, оно обозначает возраст относительно других членов группы, связано со сферой дейксиса и ориентировано на позицию говорящего. Абсолютный возраст каждого человека меняется вместе с возрастом представителей *его поколения*. Данное слово часто употребляется в составе разнообразных атрибутивных конструкций, обозначающих совокупности людей. Во-первых, выделяются сочетания «имя прилагательное + поколение» (*старшее поколение, молодое поколение, новое поколение* и др.); «слово со зн. ‘человек’ + прилагательное или притяжательное местоимение + поколения» (*люди нашего поколения, дети военного поколения, граждане старшего поколения, компьютерное поколение* и др.); «поколение + существительное в родительном падеже, обозначающее объединяющий признак» («*поколение насвая и снюса – жевательного и сосательного табака*» [НКРЯ 2021]). По схожей модели, но с существительным в именительном падеже, образованы сочетания типа «*Поколение Крым*» (название общественной организации) [НКРЯ 2021]. Синтагмы со словом *поколение* часто могут за счет атрибута выполнять экспрессивную функцию: *поколение жесть* [НКРЯ 2016]. Если *поколение* находится после атрибута, то применяется написание через дефис (*сэндвич-поколение*)

Формирование поколений является культурно значимым и не только переживается обществом, но и воплощается в художественном творчестве: вспомним такие разные, но объединенные «поколенческой» тематикой произведения, как «Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтова, «Отцы и дети» И.С. Тургенева, «Generation P» В.О. Пелевина. В результате художественного осмысления коллективного исторического опыта появляются авторские наименования, которые со временем становятся прецедентными феноменами

[Захаренко, Красных, Гудков, 1997: 82]¹⁰. В разделе 3.1.2. проводится анализ, в том числе экспериментальный, современных употреблений фразеологического прецедентного термина *потерянное поколение*. Это выражение приписывается Г. Стайн, в широкое употребление оно было введено Э. Хемингуэем [ЛЭТП: 773]¹¹. Термин употребляется по отношению к современным Э. Хемингуэю писателям, к их персонажам и современникам, термин достаточно широко известен, однако его точное значение не всегда понятно современным (молодым) носителям языка. Отметим, что в исходном значении термина не содержится отрицательной оценки обозначаемого поколения.

Для выяснения того, как современные молодые образованные носители русского языка употребляют и интерпретируют данную номинацию, нами был проведен лингвистический опрос, в котором участвовали 35 респондентов – студентов-гуманитариев (не филологов). 100 % респондентов указали, что слышали это выражение раньше, однако оказалось, что большинство респондентов относит характеристику *потерянное* к собственному поколению и понимает ее как отрицательно оценочную (что расходится с коннотациями исходного термина). Граница *потерянного поколения* в большинстве согласованных ответов обозначена как *рожденные в XXI веке / после 2000 г.* Все респонденты относятся к возрастной группе 16–23 года, *потерянным* они считают именно свое поколение, правда, иногда отмечают, что отрицательная оценка является не их собственной, а высказанной в их адрес представителями предыдущих поколений. Основные черты поколения, указанные в ответах, являются попыткой мотивировать отрицательную оценку, выраженную в атрибуте: *безответственные, мало знают, ничем не увлекаются, ленивые, не имеют перспектив* и т. д.

Анализ контекстов НКРЯ позволил выделить помимо указанного еще 4 типа нетерминологических употреблений: ‘люди, не оправдавшие надежд, возлагавшихся на них в профессиональной сфере, неудачники’ (о спортсменах, актерах, музыкантах и т. д.); ‘люди, участвовавшие в локальных войнах XX – начала

¹⁰ Захаренко И.В., Красных В.В., Гудков Д.Б. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов // Язык, сознание, коммуникация: Сб. ст. Вып. 1. – М.: Филология, 1997. – С. 82-103.

¹¹ Литературная энциклопедия терминов и понятий / Гл. ред. и сост. А.Н. Николюкин. – М.: Интелвак, – 2001.

XXI веков»; ‘соотечественники, детство, юность или молодость которых пришлась на эпоху общественных перемен 1980–1990 гг.’; ‘социально не защищенные группы людей’: «В городе существует “потерянное поколение”: люди, которые только-только вышли или вскоре выйдут на пенсию» [НКРЯ 2013].

Итак, проведенный эксперимент и анализ современных контекстов НКРЯ показывает, что термин в современной речи обычно употребляется безотносительно к исходному значению, то есть детерминологизируется. Такие употребления в подавляющем большинстве случаев относятся к молодому поколению, актуализируя оппозицию «отцов» и «детей», а атрибут *потерянное* становится отрицательно оценочным.

Наименования новых поколений появляются и фиксируются словарями неологизмов практически ежегодно: *гугл-поколение* [НРЛ, 2017: 37]¹², *тик-ток-поколение* [НРЛ, 2021: 266] и мн. др. В разделе 3.1.3 рассматривается наиболее значительная по количеству неологизмов-заимствований со значением ‘поколение’ группа слов – термины так называемой «теории поколений»: *бумеры*, *зумеры*, *миллениалы*, *поколение «игрек»* и другие. Данная теория, предложенная американскими учёными Н. Хоу и У. Штраусом в 1990-х гг., активно пересказывалась в российских средствах массовой информации, прежде всего электронных, хотя неоднозначно оценивается академическим сообществом. Количество непрофессиональных онлайн-пересказов (собрано около 100 ссылок, но это лишь небольшая часть имеющихся в интернете) обратно пропорционально их качеству, и чаще всего пересказы сводятся к соотнесению некоторых названий поколений с характеристиками этих поколений (иногда с адаптацией к российским реалиям, но чаще без неё) и к установлению хронологических границ, которые иногда существенно разнятся. Продвижение терминов «теории поколений» в современном медиапространстве имело достаточно агрессивный характер, однако возникают вопросы, насколько хорошо носители русского языка понимают значение этих неологизмов и каковы перспективы их вхождения в русский язык. Для ответа

¹² Новое в русской лексике. Словарные материалы (1977–2021): 24 выпуска. – М.: Русский язык; СПб.: Дмитрий Буланин; ИЛИ РАН, 1980–2021 (в тексте – с указанием года).

на эти вопросы были проведены лингвистические эксперименты (два опроса молодых носителей языка), а также классифицированы и проанализированы контексты с названиями поколений, собранные в НКРЯ и в поиске Яндекса (так как в НКРЯ данные вводятся с задержкой и не вполне отражают актуальную ситуацию). По результатам Опроса-1 выделены три термина «теории поколений», относительно хорошо знакомые респондентам: *поколение миллениалов (миллениалы)*, *поколение бумеров (бумеры)* и *поколение зумеров (зумеры)*, что в целом согласуется с данными НКРЯ. Для слова *зумеры* результаты опросов и НКРЯ немного расходятся: по результатам опросов наиболее употребительным является слово *зумеры*, а в НКРЯ количество контекстов с *зумеры* меньше, чем с *миллениалы* и *бумеры*. Это может объясняться, с одной стороны, задержкой ввода в НКРЯ актуальных контекстов, с другой – ориентированностью молодых респондентов на номинацию, относящуюся к собственной возрастной группе.

Анализ результатов Опроса-2 и выборки НКРЯ позволил сделать следующие выводы относительно актуальных значений и употреблений этих слов. В русскоязычном публицистическом дискурсе слово *миллениалы* фиксируется в значимом количестве со второго десятилетия XXI в. и имеет существенные отличия от значения в языке-доноре, где термин *millennial generation* исходно относился к детям, которые к рубежу тысячелетий (миллениуму – *millenium*) должны были достичь совершеннолетия. В современной русской речи *миллениалами* называют людей, родившихся на рубеже тысячелетий, являющихся первым поколением эпохи интернета, свободно чувствующих себя в цифровой реальности и часто предпочитающих виртуальное общение реальному. Слово *миллениалы* за счет внутренней формы (*миллениум*) с естественным течением времени меняет исходное значение ‘новое, молодое поколение’ на ‘старшее поколение’ и начинает противопоставляться слову *зумеры*, которое обозначает следующее поколение и актуализирует семантику ‘новое, молодое поколение’ и ‘цифровое поколение’. Следует отметить большое количество контекстов, где у зумеров отмечаются негативные качества, стандартно приписываемые молодежи (неуважение к старшим, безответственность и пр.), что подтверждает приобретение словом *зумеры* значения

‘современные подростки, молодые люди’ без прямой связи с «теорией поколений». Использование программы Zoom во время пандемии привело к ложной этимологизации слова, которая тем не менее способствует его освоению. На основе анализа контекстов НКРЯ и других интернет-ресурсов со словом *зумеры* (проанализировано около 200 контекстов) выделяются синонимичные слову *зумеры* выражения: *цифровые люди, цифровые аборигены, поколение гаджетов*. Слово *зумеры* в молодежном жаргоне имеет достаточно высокую деривационную активность: фиксируются феминитивы (*зумерка* и *зумерша*), относительное прилагательное *зумерский*, пренебрежительное уменьшительное *зумерки*. По модели *бумеры* / *зумеры* появляются заимствования, характеризующие поколения, но не связанные с «теорией поколений»: *думеры* (от doom), *блумеры* (от bloom).

По результатам опросов часть респондентов идентифицирует себя с более молодыми *зумерами* и дает для слова *миллениалы* в качестве синонима *предки*, а в качестве определения *старые*. Обращает на себя внимание большое количество форм 1-го лица в приведенных респондентами примерах для слова *зумер* (*Я зумер*), преобладание слов со значением ‘молодой возраст’ среди предложенных респондентами определений и синонимов слова *зумер*. Другая часть респондентов относит себя к *миллениалам* и дает в ответах форму 1-го лица именно с ним (*Я миллениал, это мое поколение*) и определения со значением ‘новый, современный’. Так как среди респондентов не было людей старше 25 лет, предположим, что эта двойственность связана не с реальной принадлежностью к разным поколениям, а с неоднозначным пониманием слова *миллениалы*: либо как ‘предыдущее поколение по отношению к современной молодежи’ (*зумерам*), либо как ‘люди XXI века, современная молодежь’ (и тогда *зумеры* – это ‘подростки, дети’ – такие ответы тоже представлены в результатах опроса).

Слово *бумер* (в «теории поколений» – люди, родившиеся в 1943–1964 годах) в ответах респондентов имеет противоположные характеристики: большое количество контекстных партнеров и синонимов со значением ‘взрослый’, ‘старый’, указания на невладение современными технологиями, несовременные привычки (*ездит на «девятке», покупает пластинки*). В одном из ответов эти поколения

прямо противопоставляются: *Бумеры любят критиковать зумеров*. Отметим, что в значительном количестве ответов реализуется значение жаргонного омонима ‘автомобиль BMW’, однако их все же меньше, чем ответов про ‘поколение’. В НКРЯ обратное соотношение (контекстов со значением ‘поколение’ существенно меньше). Расхождения с результатами опроса вызваны, по нашему мнению, более широким возрастным составом авторов контекстов НКРЯ. Старшей возрастной группе «теория поколений» и ее терминология, которая популяризируется преимущественно в интернет-ресурсах, известна гораздо хуже, чем участникам опроса. Кроме конкуренции с широко известным жаргонным омонимом, слову *бумер* мешает войти в общее употребление в значении ‘поколение’ отсутствие понятной носителям языка внутренней формы. Даже в варианте *беби-бумер* мотивировка применительно к российской действительности не проясняется (1943 год рождения, который является «нижней» границей поколения, в отечественной истории связан не с «бумом», то есть подъемом рождаемости, а с так называемой «демографической ямой»). Да и слово *беби-бум*, само по себе понятное, скорее запутывает мотивировку за счет компонента *беби*, соотносимого с семантикой детства, тогда как в современных словоупотреблениях *бумеры* – это старшее поколение.

Основная часть контекстов НКРЯ со словом *бумер* в интересующем нас значении имплицитно или эксплицитно описывает конфликт отцов и детей, где первые – *бумеры*, а вторые – *зумеры*, то есть современная молодежь, «цифровое поколение»: *Противоречия между бумерами и зумерами возникают по той же причине, по какой они появлялись в предыдущие эпохи* [НКРЯ 2020]. Таким образом, *зумеры* и *бумеры* представляют семантическую оппозицию ‘молодой’ / ‘старый’.

Таким образом, результаты анализа контекстов НКРЯ и лингвистических экспериментов показывают, что употребительные в современной речи термины «теории поколений» отрываются от заданных этой теорией хронологических границ, встраиваются в русские семантические микросистемы и даже меняют значение в течение последних 10–15 лет (*миллениалы*).

В третьем параграфе рассмотрены неологизмы, не связанные с семантикой ‘поколение’: заимствования (*эйджизм, антиэйдж, грандфлюэнсер*), в том числе кальки (*антивозрастной*), а также набирающий силу способ указания на возраст человека при помощи числительного и слова *плюс*, обозначенный нами как «цифровая модель». Номинации типа *шестнадцать плюс, 60+* становятся всё более распространенными. Исходно они использовались для маркировки возрастных ограничений (с какого минимального возраста разрешён тот или иной продукт: книга, журнал, кинофильм и др., ср. «*Ноль плюс*» – название детского кинотеатра). Однако с 2020 года, когда были введены временные противоэпидемические ограничения для старшей возрастной группы, такой способ указания на возраст получил распространение сначала в ограничительной функции, а затем и как эвфемизм для обозначения пожилого возраста.

В четвертом параграфе обсуждается динамика представлений о возрастных периодах и возрастных нормах (по данным публицистического дискурса) по сравнению с традиционными, отраженными во фразеологии и поговорках. Главное изменение касается абсолютных границ возрастных периодов. Его можно проиллюстрировать на примере изменения значения фразеологизма *бальзаковский возраст*, которое поясняется в толковом словаре как ‘возраст женщины от 30 до 40 лет’ [МАС 1: 59]. Аналогично объяснение его семантики и в словаре фразеологизмов [Фёдоров, 2008: 86]. В обоих словарях видим энциклопедическую информацию: «По имени французского писателя О. Бальзака, изображавшего в своих романах героинь преимущественно в возрасте 30–40 лет» [МАС 1: 59; Фёдоров, 2008: 86]. В настоящее время эти возрастные границы существенно передвинулись, и фразеологизм *бальзаковский возраст* имеет значение ‘почти пожилой’ и соотносится с гораздо большим количеством прожитых лет, чем во времена О. де Бальзака, – старше сорока лет, иногда – старше пятидесяти, что вызывает метатекстовую рефлексия говорящих: «сроки *бальзаковского возраста* перенесли на 20 лет вперёд» [Полякова, 2019]¹³. По употреблению в

¹³ Полякова И. Всё о бальзаковском возрасте. 23.05.2019 [Электронный ресурс]. – URL: <https://womans.ws/2019/05/23/vse-o-balzakovskom-vozraste/> (дата обращения: 27.04.2024).

публицистическом дискурсе слов, обозначающих детей и период детства, можно заметить изменение границ и в начале возрастной шкалы, стремление говорящих причислять к детям людей до 17-18 лет и даже старше, например старших школьников и студентов: ...*нужно посмотреть, как **ребёнок** сдаст ЕГЭ, будет он поступать куда-то или нет*» [НКРЯ 2020]. Второе концептуальное изменение – осознание разных видов возрастов (*паспортного, психологического, физиологического* и пр.), возможности их несовпадения, что отражается в употреблении соответствующих слов, например *молодой, молодость* в зн. ‘моложавый внешний вид’: *62-летняя Шэрон Стоун снялась в боди и удивила фанатов своей молодостью* [НКРЯ 2020].

В современном медиадискурсе широко представлена метафора войны применительно к возрасту: *борьба / война с возрастом, антивозрастной, антиэйж-эффект, победа над возрастом / старением* и пр. То есть *старость* (и *возраст*) представляются в образе опасного врага, с которым можно *бороться* и который можно *победить*, хотя наряду с этим продвигается представление о принятии старшего возраста как периода жизни, который может приносить удовольствия и положительные эмоции (ср. *Старость в радость* – трансформация поговорки *старость не радость*). Изменение границ возрастных периодов, стереотипного образа старшего возраста и культ молодости являются постоянным предметом рефлексии носителей языка в медиапространстве.

В конце главы сделаны выводы, в которых выделены разные виды неологизмов в актуальном составе СП, определены изменения в представлениях о возрасте (изменение абсолютных границ возрастных периодов, расширение рамок возрастных норм, множественность видов возраста и др.).

В Заключении перечислены основные признаки СП ‘возраст человека’, отмеченные в научной литературе, обобщены результаты проведенного исследования и представлены его перспективы. В первой четверти XXI века изменения затронули все зоны СП ‘возраст человека’, а не только его периферию (изменение значений слов *возраст* и *возрастной*). Новые явления в СП

представлены неологизмами-заимствованиями (*миллениал*), словообразовательной деривацией (*предпенсионер*) и семантической деривацией (*возрастной* ‘пожилой’). Отмечено появление большого количества новых фразеологических единиц со значением ‘возраст’, в основном эвфемистических, обозначена тенденция к разрушению некоторых возрастных стереотипов, закреплённых в традиционной языковой культуре.

Приложение содержит словарные материалы: список слов со значением ‘возраст человека’ по данным «Русского семантического словаря» под редакцией Н.Ю. Шведовой (с толкованиями), список фразеологизмов, извлеченных из «Словаря фразеологизмов русского языка» А.И. Фёдорова.

ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных изданиях,
рекомендованных для защиты в диссертационном совете
МГУ имени М.В. Ломоносова

1. Ван Шоин, Жданова Л.А. *«Потерянное поколение»* в современном русскоязычном публицистическом дискурсе // *Litera*. 2023. – № 3. С. 1-10. Импакт-фактор журнала в РИНЦ: 0,02. Вклад диссертанта: 50%. 0,4 п. л.

2. Жданова Л.А., Ван Шоин. Термины «теории поколений» в современном российском медиадискурсе и в молодежной речи // *Мир русского слова*. 2023. – №3. С. 30-41. Импакт-фактор журнала в РИНЦ: 0,376. Вклад диссертанта 40 %. 0,4 п. л.

3. Ван Шоин. Эвфемистические обозначения представителей старшей возрастной социальной группы в современном публицистическом дискурсе // *Мир науки, культуры, образования*. 2023. – № 3(100) С. 356-358. Импакт-фактор журнала в РИНЦ: 0,34. Вклад диссертанта: 100%. 0,2 п. л.

4. Ван Шоин. Лексемы *возраст* и *возрастной* как эвфемизмы в современном медиадискурсе // *Litera*. 2024. – № 5. С. 107-114. Импакт-фактор журнала в РИНЦ: 0,02. Вклад диссертанта: 100%. 0,5 п. л.

5. Ван Шоин. Значение и употребление слова *пенсия* и его дериватов (*пенсионер(ка)*, *предпенсионер*, *пенсионный*) в современном русском языке// *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия Гуманитарные науки*. 2024. – № 4/2. С.125-131. Импакт-фактор журнала в РИНЦ: 0,09. Вклад диссертанта. Вклад диссертанта: 100%. 0,5 п. л.